

★ А Л Е К С Е Й ★

ТАУРАТ

КАЛУГИН

КРЫСА

*ВСЕ ПОД
КОНТРОЛЕМ*

Все под контролем

Алексей Калугин
**Дело о картине
неизвестного автора**

«ЭКСМО»

2002

Калугин А. А.

Дело о картине неизвестного автора / А. А. Калугин — «Эксмо»,
2002 — (Все под контролем)

Трудна и опасна работа сотрудников Департамента контроля за временем!
Но зато на их долю регулярно выпадает высокая честь раскрытия самых
головоломных загадок истории...

© Калугин А. А., 2002

© Эксмо, 2002

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Алексей Калугин

Дело о картине неизвестного автора

Глава 1

Название бара – «Время от времени» – звучало многозначительно и символично, особенно если принять во внимание то, что находился он всего в двух шагах от главного управления Департамента контроля за временем. К тому же владельцем бара являлся не кто иной, как Федор Николаевич Векслер, бывший инспектор вышеназванного Департамента, без малого полвека проработавший в Отделе искусств.

Наверное, не было в Департаменте человека, который, услышав имя Векслера, непонимающе посмотрел бы на того, кто это имя произнес. Начав службу простым стажером, Векслер закончил ее в должности старшего инспектора, курирующего всю оперативную работу в прошлом. Проведенные им операции преподносились новичкам как образцы для подражания. Молодые инспекторы, которым не довелось лично поработать с Векслером, произносили его имя с благоговением. Те же, кто успел застать Векслера во время его службы в Департаменте, только усмехались загадочно, когда их спрашивали о том, в чем секрет успеха, неизменно сопутствовавшего Векслеру, и удачи, помогавшей ему выходить сухим из воды в таких ситуациях, когда, казалось, все козыри находились на руках у противника. Генеральный же инспектор Отдела искусств Тимур Барцис, когда при нем упоминалось имя Векслера, неизменно клал ладонь на свой массивный, гладко выбритый затылок и издавал звук, подобный тому, что во время оно использовал тираннозавр рекс, чтобы прогнать вторгшегося на его территорию соперника.

Короче, Федор Николаевич Векслер был живой легендой Отдела искусств. О нем первом слышал любой стажер, переступавший высокий порог Департамента контроля за временем.

Отсюда становится понятно, почему бар «Время от времени», который Векслер открыл после того, как, отслужив положенный срок, ушел на заслуженный отдых, пользовался неизменной популярностью среди работников Департамента. Помимо того, что большая часть инспекторов, не говоря уж о стажерах, обедали в баре у Векслера, а кто-то, задержавшийся на работе сверх урочного времени, забегал еще и поужинать, а то и позавтракать перед тем, как идти на ковер к начальству с докладом. В баре отмечали все сколько-нибудь заметные события в жизни Департамента: успешно проведенную операцию, повышение по службе, награждение, дни рождения сотрудников, свадьбы, равно как разводы, а также уход со службы, который далеко не всегда происходил в соответствии с собственным желанием «героя» застолья в сей знаменательный день. Но тут уж ничего не попишешь – такова специфика службы инспектора Департамента контроля за временем. Время – настолько деликатная форма материи, что невозможно даже прикоснуться к нему так, чтобы волны возмущений не пошли вверх по временной спирали. У инспектора же, работающего в прошлом, далеко не всегда в момент принятия решения находится это самое время на то, чтобы оценить все возможные последствия собственных действий. Нередко ему приходится действовать, руководствуясь не точным расчетом, а интуицией. Ну а если интуиция подводит, то отвечать за все приходится самому инспектору. Недаром в Департаменте говорят, что инспектор так же, как сапер, ошибается только один раз.

Всех служащих Департамента, включая и новичков, которых ветераны непременно приводили в бар знакомиться с хозяином, Векслер знал в лицо. За годы службы в Департаменте он приобрел неплохие навыки физиогномиста, поэтому, когда в баре у него появлялся посетитель, Векслер точно знал, как его следует обслужить. Одному требовались хорошая выпивка и соленая шуточка, другому необходимо было просто посидеть в одиночестве со стаканом пива,

с третьим нужно было сесть за стол и выслушать исповедь, которая могла затянуться не на один час. Если же инспектор появлялся в баре в неурочное время, когда добросовестному служащему следовало бы сосредоточить все внимание на вопросах пресечения контрабанды произведений искусства из прошлого, да к тому же еще и требовал самый крепкий напиток, какой только имелся в запасе, тут уж было ясно без лишних слов – стряслась беда. И если кто и мог помочь бедолаге, так только Федор Николаевич Векслер, который ради такого случая всегда был готов, не задумываясь, покинуть свой пост за начищенной до зеркального блеска никелированной стойкой.

Поэтому, когда тринадцатого апреля, в пятницу, ровно в десять сорок две, когда в баре «Время от времени» находилось всего двое случайных посетителей, над входной дверью мелодично звякнул серебряный китайский колокольчик и легкое дуновение залетевшего с улицы ветерка едва заметно шевельнуло красные ленты с выписанными золотом иероглифами, чье сочетание допускало самое разнообразное толкование, но в отдельности соответствовало понятиям «время», «удача» и «достаток», Федору Николаевичу оказалось достаточно бросить взгляд на вошедшего, чтобы понять, что без его личного участия дело добром не разрешится. Наполнив два высоких стакана своим фирменным коктейлем, именуемым «Особая необходимость», Векслер знаком велел помощнику занять место за стойкой.

Глава 2

Игорь Егоршин занимал должность инспектора в подотделе, работающем с первой половиной XX века.

Векслеру в свое время тоже довелось поработать на этом витке временной спирали, и он с полным на то основанием мог сказать, что это один из наиболее сложных и ответственных участков работы Отдела искусств. Две мировых войны, следовавшие одна за другой и повлекшие за собой, помимо прочих бед, еще и проблемы со значительными объемами как перемещенных, так и пропавших без вести произведений искусства, создавали самую благоприятную атмосферу для мошенников и аферистов всех мастей и любых специализаций. Одна только история с поисками Янтарной комнаты чего стоила! Расскажи кому – не поверит!..

Впрочем, это уже было делом прошлого, не имеющим никакого отношения к нынешним проблемам инспектора Егоршина, которые, судя по выражению его лица, были вроде тех, что в свое время господь, смеха ради, вывалил на голову старого маразматика Иова. И решать их Егоршин, похоже, собирался в том же ключе, что и культовый библейский персонаж, – пытаться воспринимать все как должное. Вот только, в отличие от Иова, инспектору для этого нужно было как следует выпить.

– Что нового в Департаменте? – как ни в чем не бывало поинтересовался Векслер, ставя высокие стаканы с «Особой необходимостью» на задвинутый в самый дальний угол зала столик, за которым притулился инспектор.

Егоршин даже не взглянул на хозяина бара, только рукой махнул. Из чего Векслер сделал вывод, что дела, по всей видимости, и в самом деле хуже некуда.

Присев на свободный стул, Векслер пододвинул один из стаканов Егоршину.

– Что случилось, Игорь? – спросил он негромко, искусно наполняя голос обертонами, которые у опытного психотерапевта вырабатываются не раньше, чем после семи лет неустанной практики. – Ты ведь знаешь, старику Векслеру можно рассказать все.

Егоршин взял предложенный ему стакан и одним махом ополовинил его. Это был смелый поступок. Стакан «Особой необходимости» мог запросто свалить с ног и самого умелого выпивоху. Но, к удивлению Векслера, на Егоршина порция фирменного коктейля не оказала почти никакого воздействия. Оставалось надеяться, что выпивка хотя бы поможет инспектору немного сбросить нервное напряжение, которое скручивало его, словно судорога.

Сделав небольшой глоток из своего стакана, Векслер выжидающе посмотрел на Егоршина.

Инспектор уперся взглядом в поверхность стола, синтетическое покрытие которого вполне правдоподобно имитировало карельскую березу, и сквозь стиснутые зубы зло процедил лишь одно слово:

– Стажер...

Сделав большой глоток «Особой необходимости», он счел возможным прибавить к этому:

– Зараза.

– Само собой, – ничуть не удивился Векслер. После сорока восьми лет службы в Департаменте контроля за временем его вообще трудно было чем-либо удивить. – Большинство бед в этом мире происходит от стажеров, – продолжил он глубокомысленно. – По разрушительной силе сравниться с ними могут только женщины. К счастью, энергия представительниц слабого пола направлена в иное русло. Вот, если нужно перебить посуду в доме...

– Точно, – Егоршин поднял голову, а затем резко уронил ее на грудь. – Именно посудой он и занялся.

– Кто? – не понял Векслер.

– Стажер.

Егоршин сделал еще один глоток коктейля, после чего принятая им доза волшебного напитка перевалила за критическую отметку. Теперь уже не требовалось никаких усилий для того, чтобы выжать из инспектора признание. Это было все равно что вращать мельничный жернов – трудно только с места сдвинуть.

– Два дня назад посадили мне на шею стажера. В жизни такого растяпы не видывал. Вроде бы и парень неплохой, старательный, а за что бы ни взялся – все сделает не так. И глаза, будто у побитой собаки, – посмотришь и ругаться не хочется. Я уж посадил его за стол в углу, у окошка, велел каталогами заняться. Думал, так от него вреда меньше будет. А он дотошный такой, все время с вопросами разными лезет... Ну а сегодня с утра принесли мне коробку конфискованной контрабанды. Всего-то и работы было, что оприходовать все предметы и распределить, что куда следует вернуть. Ну вот и подсунул я эту коробку стажеру. Дело неспешное, пусть, думаю, ковыряется потихонечку, а я потом за полчаса все проверю. В коробке этой и ценного-то ничего не было, кроме керамического блюда с изображением четырех танцоров. Пикассо. Он в свое время такой кухонной утвари много наделал, а нынче каждое блюдо, по которому он кистью поводил, состоит на учете в Каталоге всемирного наследия.

Инспектор тяжело вздохнул и еще разок приложился к стакану.

Заметив, что стакан Егоршина опустел, Векслер сделал знак отдыхавшему за стойкой помощнику. В общих чертах он уже представлял себе, о чем пойдет речь, а потому сделал вывод, что инспектору нужен не еще один стакан «Особой необходимости», а большая чашка черного кофе.

– Когда дело дошло до блюда, то стажер мой занервничал, заволновался, на месте заерзал, на меня взгляды искоса бросать начал. Я сижу и делаю вид, что ничего не замечаю. Пусть, думаю, сам разбирается, что к чему. Не знаю, что уж ему взбрело в голову, но вместо того, чтобы просто заглянуть в Каталог всемирного наследия, который всегда под рукой, полез он на верхнюю полку стеллажа, где стоял пенал с мемори-чипами авторских каталогов...

Егоршин медленно провел рукой по коротко остриженным светло-русые волосам и беззвучно, одними губами выругался.

– Короче, слезая со стула, этот недотепа оступился, потерял равновесие и опустился своим тощим задом точнехонько на блюдо с танцорами!

Инспектор в сердцах хватил кулаком по столу.

– Ну-ну, – поспешил успокоить его Векслер. – И не такое случается.

– Да? – с обидой глянул на Векслера инспектор. – Тарелка разлетелась на восемь частей! Восемь! – при этом Егоршин взмахнул руками, но почему-то показал не восемь пальцев, а две растопыренные пятерни. – И это не считая мелких осколочков! Что мне теперь прикажете делать? Когда дело дойдет до Барциса, он не станет разбираться, чей зад придал блюду столь непрезентабельный вид! Он с меня голову снимет!

– Ну, может быть, все не так уж и плохо, как кажется, – Векслер пододвинул инспектору большую чашку дымящегося кофе, которую принес помощник.

Егоршин безнадежно махнул рукой и принялся за кофе.

– Ты, Игорек, кому-нибудь уже рассказал о своей беде? – как бы между прочим поинтересовался Векслер.

Егоршин отрицательно мотнул головой.

Векслер с пониманием кивнул, – естественно, инспектор пытался до последнего оттянуть момент неизбежной экзекуции.

– А стажер сейчас где?

– Я его в кабинете запер, – ответил Егоршин. – Велел все осколки до последнего собрать. Чтобы блюдо можно было склеить, и поаккуратней, понезаметней.

– Это правильно, – одобрительно наклонил голову Векслер.

– А что толку, – Егоршин запрокинул голову назад, словно хотел получше рассмотреть нарисованных на потолке китайских драконов. Но вместо этого закрыл глаза и пару раз как следует потрянул головой. – Все равно разбитое блюдо целым не сделаешь.

– Ну, отчего же, – загадочно улыбнулся Векслер. – Если все осколки на месте...

Егоршин недоверчиво, но одновременно с затаенной, почти безумной надеждой, похожей на ожидание кажущегося невозможным чуда, посмотрел на своего многоумного собеседника.

Векслер поставил локоть на стол и, чуть подавшись вперед, прищурившись, посмотрел на инспектора. Он как будто хотел оценить, сможет ли инспектор выдержать груз той истины, которую он собирался перед ним открыть.

– Ты хочешь сказать, что у тебя в кабинете нет дубликатора? – едва слышно произнес он.

Егоршин, словно испугавшись чего-то, откинулся на спинку стула и ошарашенно уставился на Векслера, сидевшего напротив него с видом невозмутимо-спокойным, точно Будда.

– Вы имеете в виду?..

Инспектор умолк, не закончив начатую фразу. Суть, заключенная в вопросе, так и оставшемся незадачным, представлялась ему настолько святотатственной, что, будучи облеченной в словесную форму, она, быть может, способна была обрушить стены и потолок с изображением парящих между облаками драконов.

На лице Векслера не дрогнул ни единый мускул.

– Именно это я и имел в виду, – взгляд его, однажды поймав, уже не отпускал от себя взгляда инспектора Егоршина. – Собери все до единого осколки разбитого блюда, аккуратно склей их молекулярным клеем и сунь в камеру дубликатора, предварительно введя в программу дополнительное задание на устранение всех дефектов и следов клея. В результате ты получишь блюдо точно таким, каким оно было до того, как на него сел твой стажер, – дабы особо подчеркнуть этот момент, Векслер сделал секундную паузу. – Оригинал после этого уничтожь.

Егоршин судорожно сглотнул. От внезапно открывшейся перспективы в горле у него пересохло. Вспомнив о чашке, в которой еще оставалось немного остывшего кофе, инспектор схватил ее и одним глотком осушил до дна.

– Но ведь это подлог, – сдавленным полупшепотом произнес он.

– Разве? – изображая недоумение, Векслер картинно поднял левую бровь, изогнув ее при этом дугой. – У тебя на руках останется блюдо, до последнего атома идентичное тому, которого когда-то коснулся своей кистью Пикассо. К тому же существующее в единственном числе.

– Но ведь это будет ненастоящее блюдо, – еще тише произнес Егоршин.

– А кто об этом будет знать? – Векслер быстро глянул по сторонам, как будто хотел убедиться в том, что их никто не подслушивает. – Твой стажер будет молчать об этом случае, поскольку именно он в нем повинен. А ему ведь еще нужно закончить стажировку. Тебе, как я полагаю, тоже нет никакого резона рассказывать о случившемся каждому встречному. Ну, а я, – Векслер улыбнулся и, приподняв лежавшие на столе ладони, – узкие, с длинными, словно у скрипача, пальцами, – чуть развел их в стороны. – Можешь мне довериться, Игорек. Я и сам в свое время проделывал подобные фокусы.

Егоршин быстро облизнул пересохшие губы и заглянул в чашку. Убедившись в том, что в ней не осталось ничего, кроме кофейной гущи, он поднял голову, и затравленный взгляд его вновь встретился со спокойным и уверенным взглядом Векслера.

– А как же Пикассо?

– А при чем здесь Пикассо? – недоумевающе наклонил голову к плечу Векслер.

– Но, как же... Блюдо... – сосредоточившись, Егоршин смог все-таки сформулировать мысль, не дававшую ему покоя. – Оно ведь было одухотворено гением Пикассо.

Векслер усмехнулся и покачал головой, дивясь наивности нынешнего поколения инспекторов. Казалось бы, уже успели порыскать по виткам временной спирали, посмотрели, что там

да как. А все туда же – человеческий фактор, непревзойденный гений мастера, неповторимый мазок волшебной кисти... Ну прямо как выпускницы Института благородных девиц.

– Пикассо, говоришь...

Повернувшись к стойке, Векслер вновь махнул рукой своему пронизательному помощнику. В свое время тот был принят на работу именно благодаря удивительной способности понимать хозяина не то что с полуслова, а и вовсе без слов.

Не прошло и минуты, как на столике появилась новая чашка кофе для инспектора, чашка чая с бергамотом для хозяина бара и тарелка с сэндвичами: сыр и ветчина, прослоенные кетчупом с майонезом, – именно то, что любил Векслер.

подавая пример инспектору, Векслер первым взял сэндвич с тарелки.

– Я, конечно, не отрицаю того, что Пикассо был гением, – Векслер сделал глоток чая из чашки. – Но в чем именно заключалась его гениальность? В умении удивить подлинных ценителей? А может быть, просто в умении потрафить самолюбию неискушенного зрителя, который, глядя на его картину, радуется тому, какой он сам умный? Или же художник просто умел предугадать, что именно хочет увидеть публика в данный момент?

Всем известно, что в творчестве Пикассо сначала был голубой период, потом розовый, затем он создал кубизм, после чего обратился к неоклассицизму, чтобы в конце концов прийти к сюрреализму. Но никто не может ответить на вопрос, в чем заключалась причина этих удивительных метаморфоз. Что заставляло мастера неожиданно для всех резко менять как технику, так и стилистику своей работы? Никто не знает ответа на этот вопрос, – Векслер сделал театральную паузу, после чего многозначительно произнес: – Никто, кроме меня.

Глянув на инспектора и убедившись в том, что он слушает его, забыв о кофе и сэндвичах, Векслер начал свою историю:

– О голубом и розовом периоде творчества Пикассо ничего сказать не могу. Но вот о том, что послужило толчком, обратившим его к кубизму, мне известно доподлинно...

Глава 3

Точно не могу сейчас сказать, в каком году было дело. Но помню, что именно в тот год были отменены квоты на путешествия во времени для частных лиц. Работы у нас после этого прибавилось, поскольку к профессиональным контрабандистам, осведомленным не хуже нас с тобой о том, что можно, а чего нельзя брать из нашего времени в прошлое, и что в прошлом ни в коем случае нельзя трогать, присоединились еще и толпы дилетантов, волокущих из туристических поездок в прошлое все что ни попадя. Поверишь ли, у одного из таких туристов, прибывшего из пятнадцатого века, я лично изъясил подлинник Босха, которого нет ни в одном каталоге! А у кого он его прикупил, этот любитель живописи и сам не мог толком объяснить.

Впрочем, если хочешь точно выяснить, когда случилась эта история, можешь проверить по таблице сопряженных годов.

Я получил задание, о котором инспектор Отдела искусств может только мечтать. Мне предстояло вернуть на место картину, изъятую у контрабандиста по имени Павел Марин.

Ну, естественно, кто же в Департаменте не знает Марина! Он столько лет в качестве заключенного провел в зоне безвременья, что успел поработать с тремя поколениями инспекторов из Отдела искусств. Марин – это уникальнейшая личность. Он превосходно знает историю искусств, держит в памяти весь Каталог всемирного наследия и никогда не позволяет себе взять из прошлого что-то, что могло бы создать проблемы в будущем. Не то что нынешние нигилисты, именующие себя клинерами! До сих пор не могу понять, почему Марин подался в контрабандисты, а не поступил на работу в Департамент. Порою мне кажется, что он занимается контрабандой вовсе не из корысти, а исключительно из любви к искусству, – как ни парадоксально это звучит.

Картина, о которой идет речь, по сути не представляла собой ничего ценного. До той поры, пока Марин не умыкнул ее, она хранилась в личной коллекции графа Витольди. Картина имела размеры тридцать два на двадцать три сантиметра, незамысловато именовалась «Утро» и принадлежала, как утверждал каталог, составленный самим графом, неизвестному голландскому художнику первой половины семнадцатого века. Что было изображено на картине, понятно из названия. Бог знает, по какой причине граф завещал свою коллекцию Шотландской национальной галерее в Эдинбурге. Получив после смерти графа находившиеся в его коллекции картины, шотландские эксперты пришли к выводу, что «Утро» является дешевой подделкой, выполненной не раньше конца девятнадцатого века, – кстати, с этим мнением, осмотрев картину, согласились и наши специалисты, – после чего картина была отправлена в запасник. Публике картина была представлена всего однажды – вследствие какого-то совершенно невероятного стечения обстоятельств она попала на престижную международную художественную выставку в Лувре, проводившуюся в 1977 году. Естественно, «Утро» попало в каталог выставки, что автоматически ставило ее в один ряд с высочайшими достижениями человеческого гения в области изобразительного искусства. Марин, должно быть, Луврского каталога не видел, а потому, доверившись собственному художественному вкусу, счел возможным переместить «Утро» из начала XX в середину XXII века. Здесь его ожидала засада, и Марин скрылся, бросив весь свой товар.

Картинка – дрянь, но следовало вернуть ее на место. Что мне и надлежало сделать, отправившись в 1906 год. Приятная сторона дела, помимо того, что само по себе оно было совершенно необременительным, заключалась в том, что стояла середина июля, а вышеназванный граф Витольди, из домашней коллекции которого была похищена картина, проживал не где-нибудь, а в Каннах.

Заманчивую перспективу провести несколько дней на роскошном курорте на побережье Средиземного моря несколько подмачивал тот факт, что в компании со мной должен был отправиться лаборант-исследователь из Отдела экологии.

Задачи служащих Отдела экологии не в пример проще тех, которые приходится решать нам. Все, что от них требуется, это собрать образцы воздуха, воды, грунта, растений, еды и вообще всего, что попадет под руку, чтобы потом, вернувшись назад, можно было в очередной раз удостовериться в том, что к настоящему времени наш мир сделался совершенно непригодным для жизни.

Казалось бы, бог с ними, – каждый выполняет свою работу. Но все дело в том, что экологи имеют весьма смутное представление об исторических особенностях и реалиях того времени, куда они направляются. Проходить соответствующую подготовку они отказываются, мотивируя это тем, что не хотят забивать голову информацией, которая им, скорее всего, больше никогда не понадобится. В итоге получается, что к каждому лаборанту-исследователю, отправляющемуся в прошлое с набором пластиковой тары для образцов, требуется приставить провожатого, знакомого с тем временем, в котором им предстоит работать. Чаще всего это был кто-то из Отдела искусств или Отдела науки и техники. Для нас это стало чем-то вроде повинности, которую, хочешь не хочешь, приходится отбывать.

В то время, когда происходила история, о которой я рассказываю, Департамент решил провести эксперимент, суть которого заключалась в том, что к каждому инспектору из Отдела искусств или Отдела науки и техники, отправляющемуся на задание в прошлое, прикреплялся лаборант-исследователь из Отдела экологии. Не посоветовавшись с нами, непосредственными исполнителями, умные головы из руководства Департамента решили, что таким образом они резко сократят число межвременных переходов и тем самым снизят себестоимость проводимых экологами исследований.

В паре со мной оказался совсем еще молодой паренек, лет двадцати двух, рыжий, весь в веснушках и со смешным носом, похожим на птичий клюв. Звали его... Впрочем, имя его не имеет значения. Тем более что сейчас этот бывший лаборант-исследователь из Отдела экологии занимает не самую последнюю должность в Объединенном правительстве. Поэтому назовем его просто Славиком.

Я Славiku доходчиво объяснил, что к чему и что почем. В том смысле, что сначала я делаю свою работу, а уж потом, если остается время, помогаю ему с его заданием. Парень оказался понятливым. Дважды объяснять ему ничего не пришлось – он сразу же со всем согласился.

– Нет проблем, Федор Николаевич, – заявил он. – Три дня на берегу Средиземного моря, в разгар курортного сезона, да еще и в начале двадцатого века, – это счастливый билет, который вытягивает не каждый. Надеюсь, пока вы занимаетесь своим делом, мне будет дозволено ходить на пляж одному?

После этого я понял, что со Славиком у меня проблем не будет. Сказать по чести, я и сам рассчитывал управиться с делом в первый же день, а оставшееся время посвятить изучению местных достопримечательностей, среди которых был отмечен и пляж.

Глава 4

В назначенный срок мы прибыли на место. В отеле «Палас» для нас уже были зарезервированы два смежных номера с окнами на море. В соответствии с разработанной легендой, мы со Славиком должны были изображать двух английских плейбоев, наследников не слишком титулованных, но зато достаточно богатых семей, приехавших в Канны отдохнуть и промотать часть семейного состояния.

Погода на побережье стояла великолепнейшая. Мягкий средиземноморский климат обеспечивал теплые дни без изнуряющей жары. А за то, что в те три дня, которые нам предстояло пробыть гостями Канн, дождь не ожидается, поручился Славик, перед отправкой внимательно изучивший метеосводки за соответствующий исторический период.

Выйдя на балкон и взглянув на лазурное море, похожее на туго натянутый шелковый платок, очерченное острым серпом золотистого полумесяца песчаного пляжа, я впервые по-настоящему, не разумом, а всей душой ощутил, что за два с половиной столетия в мире и в самом деле что-то серьезно изменилось. В середине двадцать второго века, выйдя на тот же самый балкон несколько раз перестроенного, оборудованного по последнему слову техники отеля «Палас», увидишь тот же самый берег и то же самое море. Но при этом тебе ни за что не удастся ощутить той тишины и того покоя, которые разливались над морем в том достопамятном 1906 году.

Быть может, историк возразит мне и станет утверждать, что тишина, окутавшая в то далекое утро каннский берег, на самом деле была напряженной и зловещей, и, прислушавшись как следует, в ней уже можно было различить эхо грядущей войны, но лично мне казалось, что тогда никто даже в страшном сне не мог услышать тот роковой выстрел в Сараеве, который всего через несколько лет перевернет этот тихий и спокойный мир, ввергнув его в пучину бойни, равной которой человечество еще не знало.

От размышлений о судьбах мира меня оторвал мой напарник. Выскочив на балкон, Славик окинул взглядом расстилающиеся до самого горизонта морские просторы, вдохнул полной грудью экологически чистый воздух и, блаженно улыбнувшись, посмотрел на меня.

– Каков план действий, Федор Николаевич?

Я только с досадой цокнул языком и покачал головой. Конечно, в начале двадцатого века в Каннах запросто могла звучать и русская речь, но, если уж мы взялись изображать парочку английских лоботрясов, то и разговаривать следовало на английском.

– Я собираюсь заняться делом, – ответил я на абсолютно правильном английском с легким налетом мягкого стратфордширского акцента. – Как сообщил агент, у графа Витольди на сегодня заказан билет в оперу. Случай подходящий, и я хочу сегодня же вечером вернуть картину ее законному владельцу.

– А я, если позволите, отправлюсь на пляж, – с надеждой посмотрел на меня Славик, не забыв, однако, перейти на английский.

На всякий случай, чтобы парень не расслаблялся, я все же спросил у него:

– А как же твои образцы?

– Воздух, – указал Славик на небо, – вода, – протянул он руку в сторону морского берега, – все рядом. Мне и десяти минут не потребуется на то, чтобы заполнить емкости. А образцы пищи возьму за ужином.

– Смотри, Славик, – строго глянул я на парня. – Чтобы, когда вернемся в Департамент, ко мне от твоего начальства никаких претензий не было.

– Никаких, Федор Николаевич, – клятвенно приложил ладонь к груди Славик. – Я свое дело знаю.

В этом-то я как раз не сомневался.

– Инструкции помнишь?

– Без особой необходимости с местными жителями в контакты не вступать, – начал по памяти перечислять Славик те наставления, что я ему дал. – Ни поведением, ни внешним видом не выделяться из общей массы. Деньгами не сорить. Быть в номере не позже одиннадцати.

– Как насчет одежды?

– Никакой синтетики, все только из натуральных материалов. Вся одежда соответствует принятому в настоящем времени стилю. Бирки с наименованиями фирм-производителей спороты. У меня даже есть закрытый купальный костюм. Я приобрел его в магазине, предлагающем наряды для костюмированных вечеров.

Естественно, я не сомневался в том, что, едва оказавшись на пляже, Славик забудет большую часть из того, что я ему говорил. Но я не видел ничего страшного в том, что он перекинется парой игривых фраз с симпатичной девушкой, а может быть, даже и попытается назначить ей свидание, – все равно со своей нелепой внешностью паренек не имел ни малейшего шанса на сиюминутный успех. А на то, чтобы по полной программе раскрутить легенду о богатом плейбое, у него просто не было времени.

Сыграло свою роль и удивительное, я бы даже сказал, ошеломляющее ощущение покоя – после нескольких месяцев бесконечной и по большей части совершенно бессмысленной суеты в Департаменте оно буквально околдовало меня. В иной ситуации я ни в коем случае не отпустил бы Славика на пляж одного. Но в тот момент я был просто уверен, что с ним ничего не случится. Не то это было место, чтобы здесь могло произойти что-то дурное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.